

Москва
Независимый театр
Рем. Т. Архипова

КОМСОМОЛС — Ереван. — 1989. — 16 июля

Театр под крылом АНСТА. И сразу — два вопроса. Что это за театр такой, и как он может сохранять независимость, ибо, разве-то крылом! Не меньший интерес вызвал и сам театральный АНСТ. При ближайшем знакомстве оказалось, что АНСТ — это никакая не лига, а Ассоциация индивидуальных-социального творчества при Крестном Кресте и Полумесяце, хотя и вполне оправданная свое доброе название. Ассоциация добросердечия (так модно было бы назвать эту организацию) — включает в себя множество подразделений, среди них — клуб старых лошадей «Убукку» (о нем недавно рассказывал «Израиль»), книжное издательство. А еще помогает беднякам. Его генеральный директор О. Г. Ташев — активный альтруист — мечтает о создании всемирного общества альтруистов. Московский независимый театр соответствует не только программе АНСТА, но и духовно близок ему. Чем! Об этом в многом другом наш разговор с режиссером театра Татьяной АРХИПОВОЙ.

— Наш театр возник на базе экспериментальных творческих мастерских для молодых режиссеров при Союзе театральных деятелей РСФСР. Однако вскоре первый директор Вячеслав Малцев, в силу различных обстоятельств, ушел оттуда. И мастерские несколько видоизменились: поменялись первоначальные цели и задачи, окончательная формулировка которых пока не ясна.

— И ваши пути разошлись? — Да. К тому времени истек договорный срок, труппа театра значительно расширилась, и мы отделились.

— Тогда-то и родился новый Независимый театр!

— В сочельник, 24 декабря 1989 года, состоялась премьера спектакля «Под Вифлеемской звездой» — первая самостоятельная работа вне мастерских. Предыдущие два спектакля, с которыми мы приехали на гастроли в Ереван («Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Вид в Гельдерланде» Ю. Волокова), были поставлены еще на базе творческих мастерских. Почему Независимый театр? Потому что самое главное для нас — это свобода. Свобода не столько от власти, сколько от внутреннего цензора. Самое страшное — ощущение собственной беспомощности, когда ты не знаешь, что делать. Мне кажется, сегодня существуют два главных вопроса — не социальных, а духовных, лежащих в философ-

ской сфере. Это вопрос внутренней свободы и содержания духовности. Духовная независимость в противовес материальной, которая может обернуться чистой коммерцией.

— Но на афише вашего театра тоже темы «повышенного спроса». Как же удержаться на тонкой грани, отделяющей истинную духовность от пошлости, «клубнички»? — Опираясь на две вещи: на собственную убежденность, что это необходимо прежде всего для тебя самого, и на новый театральный язык.

— Здесь, мне кажется, необходимо небольшое отступление. На сегодня Независимым театром по сути руководят два главных режиссера — вы, Татьяна Архипова, и Александр Горбань. Паритет, редкий в театральной жизни, — своего рода новшество. При этом у каждого из вас не только свои

капитал. Издательство «Протестант» евангельских христиан-баптистов заказало эту пьесу и финансировало нас (по их же просьбе мы продавали в антрактах Библию). Мы взялись за постановку, не зная, что будет в конце — успех или провал. Или, как говорят, не видя света в конце тоннеля. Были просто интересная тема и вера. Почему мы к ней пришли? Я поняла одну вещь: сомнения — верить в Бога или нет — сейчас расточительны, у нас нет на это время. Верить надо, потому что жизнь проходит. Это не догматизм, отнюдь. Просто у тебя есть окошко, в которое ты выглянешь и станет легче.

— А до этого вы были верующим человеком?

— Была, но не настолько. Спектакль помог мне укрепиться в своей вере. Теперь я точно знаю, что жизнь Иисуса

— И неформальную литургию. Для тех, кто верует, — все понятно. Ведь и в церковь ходят либо верующие, либо туристы. В театре — все иначе. Спектакль дает возможность раскрыть в себе Веру. Многие боятся верить, сомневаясь, что не хватит сил отдать всего себя служению. Но ведь это и необязательно. Здесь тоже есть свои ступеньки, поднимаюсь по которым можно дойти до аскезы. Одним удаётся, другим — нет. Но все должны понимать, что существует определенная норма, мораль, в которую надо интегрироваться. Иначе мы будем уничтожать друг друга. Может быть, это прозвучит утопично, но я убеждена, что выйдя со спектакля, зритель окажется не способным причинить кому-то зло — сейчас же, сию минуту. Потом все, наверняка, пройдет, но ведь что-то и останется. Мы

— Собираетесь ли вы продолжать работу в этом направлении?

— Сейчас готовится к постановке вторая часть — пьеса Ю. Волокова «Моление, о чаша». Хотим пройти всю земную жизнь Христа до конца. Для самих себя, не только для зрителей. Ведь пока мы остались на первом этапе — принятия христианства. Следующая ступень — убежденность, которую ты можешь передавать посредством своей внутренней энергии. Это длинный путь, и мы стоим у его начала. Необходим первый толчок, чтобы наша аура скрестилась с ауры зрительного зала. Интересно, что этот процесс происходит всегда по-разному, смотря для кого и где играет. Например, в Москве совершенно не реагируют на сцену непорочного зачатия. В Ереване же она взволновала армянскую

публику, но светлую миссию! В зале могут сидеть люди самых разных вероисповеданий. Но реакция все равно будет положительной, ибо Бог — единый. — Центральный образ постановки — пьеса «Вид в Гельдерланде» (драматург Ю. Волоков) — тоже Мария (играет та же актриса Елена Ковдатева). Но Мария — наших, 50-х годов. И тот же вопрос, рефреном звучащий в Истории рождения Иисуса Христа: «Кто с вами, люди!» Только несколько видоизмененный: «С кем вы, люди!» Но подавалась пьеса почему-то под грифом: «этим до 16 лет смотреть не рекомендуется». Я так и не поняла, от чего оберегали детей! — Меня саму неприятно поразила эта пометка. Если это для кассы, то боюсь, что публика будет разочарована. Да, на сцене за ширмой проступают контуры обнаженной девушки. Да, присутствуют лесбийские мотивы (зачем отмахиваться от них, если эта проблема существует в мире). Но суть не в том. Мария описана в свое время и одновременно она существует вне времени. Она ищет, мечтает. Но невозможно жить так, как хочешь. Вынужденно она замыкается в созданном ею мире. Это камерная, немасштабная вещь о поисках человеческого «я». Здесь важен каждый нюанс. Пьеса очень интересная, но тяжелая для восприятия, изобилующая монологами, трудная и для постановки, которую я пыталась сделать сначала у Марка Захарова, потом в театре Ермоловой и, наконец, в мастерских.

— Татьяна Архипова — режиссер чисто женского спектакля. Александр Горбань поставил чисто мужскую пьесу А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — о сталинизме... — «Или о свободе личности в условиях тотальной несвободы. Сильный, экспериментальный, метафоричный, жесткий спектакль. Не все выдерживают его натиска. Натиска человека, полтакалочного «Ша-854», но сдвинувшегося, не обманенного, не растоптанного. Человека с гордой душой.

— Это тоже один из путей спасения души, ибо всякий вступающий на путь освобождения от духовного рабства — обретает мир и надежду на жизнь вечную».

Беседу вела Елена ПОГОСЬКОВА. НА СНИМКАХ: сцены из спектакля «Под Вифлеемской звездой». Фото Г. Амагуни.

Гастроли

МОСКОВСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ...

спектакля, но и совместная постановка «Под Вифлеемской звездой». Наверное, мало иметь собственное убеждение и новый театральный язык, но нужно еще и творческое взаимопонимание двух молодых режиссеров, умение идти на компромиссы ради общей цели.

— Безусловно. Постановку пьесы Юрия Волокова «Под Вифлеемской звездой» — история рождения Иисуса Христа — ни в коем случае нельзя рассматривать как желание сделать на ней политический

Христа — это не легенда, а исторический факт. «Под Вифлеемской звездой» — рождественский спектакль. Ведь рождество — самый светлый праздник Христианства. Здесь нет агрессии, надрыва, страдания. А есть покаяние — молитва, с которой мы, склонив головы, идем к свету.

вступаем в диалог со зрителем, ни в коей мере не опираясь на некое драматическое действие. Скорее, отодвигаем его, выводя на первый план текст. Борясь за эту тему, очень легко скатываться до пошлости. Поэтому-то актеры подчеркнуто аскетично отстранены. Есть только первый план, ремешный в стиле церковных фресок. И есть книга и ее великое Слово. Единственное наше желание, чтобы в душе у зрителя рождались не слезы, а Вера, Свет.

публику. Взятая из Псалтыри история с отскожной рукой Соломен (рука отскокает, когда она пытается проверить Марку, дабы убедиться в непорочном зачатии) поначалу воспринимается как сказка. Но потом зал застывает: а вдруг и в самом деле в этом что-то есть. — А не сталкивались ли вы с агрессивно настроенным зрительским неприятием? — С подобной крайностью — нет. Может, потому, что людям надоела чернуха. И они понимают нашу, пусть неболь-